

Женщины на высших дипломатических должностях
в государствах бывшего СССР:
опыт создания базы данных

Ольга С. Поршнева

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, o.s.porshneva@urfu.ru*

Сергей Л. Разинков

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, s.l.razinkov@urfu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается применение технологии баз данных для анализа социального портрета и коллективной биографии женщин, назначенных на высшие дипломатические должности руководством новых независимых государств на территории бывшего СССР в период 1991–2021 гг. Приводится описание структуры разработанной авторами просопографической базы данных, обосновывается репрезентативность и полнота содержащейся в ней информации. В статье проводится анализ основных показателей социального портрета женщин-дипломатов: динамика численности, базовое образование, временные характеристики карьерного роста, соотношение между карьерными дипломатами и политическими назначенцами, территориально-географическое распределение женщин-послов по государствам аккредитации. Сравнение результатов анализа сведений базы данных с приведенными в научной литературе социально-демографическими характеристиками женщин-послов США, ФРГ и ЕС позволило выявить, с одной стороны, общие тенденции (постоянное увеличение доли карьерных дипломатов), а с другой – различия (в локализации послов по государствам аккредитации). В заключении обобщены сведения об особенностях состава женщин-дипломатов в каждом из постсоветских государств: исходя из динамики численности, социально-демографических и профессиональных характеристик женщин, занимающих высшие дипломатические должности, выделены три группы государств с различными моделями гендерного представительства на дипломатической службе.

Ключевые слова: гендер, женщины-дипломаты, постсоветские государства, просопографическая база данных, социальный портрет, коллективная биография

© Поршнева О.С., Разинков С.Л., 2023

Для цитирования: Поршнева О.С., Разинков С.Л. Женщины на высших дипломатических должностях в государствах бывшего СССР: опыт создания базы данных // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 57–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-57-75

Women in the highest diplomatic service positions
in the states of the former USSR.
The experience of creating a database

Olga S. Porshneva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, o.s.porshneva@urfu.ru

Sergei L. Razinkov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, s.l.razinkov@urfu.ru

Abstract. The article considers the database technology usage for the analysis of the social portrait and collective biography of women appointed to the highest diplomatic positions by the leadership of the newly independent states on the territory of the former USSR between 1991 and 2021. It gives a description of the structure of the prosopographic database developed by the authors, as well as substantiates the completeness and representativeness of its information. The article also analyzes basic features of the social portrait of women diplomats: the dynamics of their number, basic education, career timing, the ratio between career diplomats and political appointees, the geographical distribution of women ambassadors by accreditation states. Comparison of the results of the analysis of the database information with the socio-demographic characteristics of the female ambassadors of the US, Germany and the EU made it possible, on the one hand, to identify general trends (a constant increase in the proportion of career diplomats) and differences (in the localization of ambassadors by accreditation countries). In conclusion, information is summarized on the characteristics of the composition of women diplomats in each of the post-Soviet states: based on the dynamics of the number, socio-demographic and professional characteristics of women holding senior diplomatic positions, three groups of states with different models of gender representation in the diplomatic service are identified.

Keywords: gender, female diplomats, post-Soviet states, prosopographical database, social portrait, collective biography

For citation: Porshneva, O.S. and Razinkov, S.L. (2023), “Women in the highest diplomatic service positions in the states of the former USSR. The experience of creating a database”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political science. History. International relationships” Series*, no. 1, pp. 57–75, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-57-75

Введение

Обеспечение гендерного равенства, расширение участия женщин в политической деятельности и государственном управлении являются одной из актуальных тенденций современного мирового развития, которая неизбежно влияет на кадровый состав дипломатических служб. Дипломатическая деятельность в последнее столетие уже не рассматривается как традиционная и исключительная прерогатива мужчин, и увеличение числа женщин на высших дипломатических должностях¹ является устойчивой мировой практикой. Однако гендерный дисбаланс в этой сфере по-прежнему сохраняется: так, в 2014 г. в мире мужчины составляли 85% послов, а их доля среди ключевых переговорщиков была еще выше [Aggestam, Towns 2019, pp. 9–10]. При этом доля женщин на высших дипломатических должностях существенно варьируется на национальном уровне, особенно в новых независимых государствах, созданных на территории бывшего СССР. Если в Эстонии, Латвии, Литве, Молдове она составляет 25–40% (превышая среднемировой показатель), то в России не превышает 1% [Воеводина 2021, с. 50].

Ситуацию с гендерным представительством на высших дипломатических должностях в Российской Федерации отечественные исследователи характеризуют как неблагоприятную для женщин, описывая ее метафорами «карьерного лабиринта» в дополнение к «бетонной стене» и «стеклянному потолку» [Воеводина 2021, с. 42]. Это понимание отражает очевидный гендерный дисбаланс и «вертикальную гендерную сегрегацию», при которой «на пути к вершине административной пирамиды количество женщин как в Центральном аппарате, так и в загранучреждениях стремится к нулю» [Воевода, Морозов, Карпов 2018, с. 25]. При этом «государственные награды, присужденные... чиновникам МИД, поблескивают на лацканах мужских пиджаков» [Зонова 2009, с. 98]. Исследователи из других постсоветских государств на основе анализа количественных показателей представительства женщин на высших дипломатических должностях также констатируют

---

¹ Под высшими дипломатическими должностями в контексте данной работы понимаются посты руководителя внешнеполитического ведомства – министра иностранных дел / его заместителей / Чрезвычайного и Полномочного посла, возглавляющего посольство или представительство страны в международной организации / руководителя линейного структурного подразделения Министерства иностранных дел первого уровня иерархии (управление, департамент).

наличие гендерного дисбаланса на национальном уровне. Отмечается, например, что в МИД Украины «декларируемое гендерное равенство не всегда срабатывает на практике» [Захарова, Марценюк 2015, с. 4], а в МИД Литвы «мужчины чаще занимали более высокие должности, их карьерный рост происходил быстрее и они проводили меньше времени на позициях более низкого уровня» [Bleiere 2020, p. 40].

Для объяснения причин сохранения гендерного дисбаланса на дипломатической службе постсоветских государств и выявления тенденций кадрового развития женщин-дипломатов как отдельной профессиональной группы необходимо сочетание качественного и количественного подходов, включая применение междисциплинарных методов научного исследования. При этом важным инструментом анализа социального портрета и изучения коллективной биографии женщин-дипломатов является база данных, содержащая индивидуальные социально-биографические характеристики каждого из членов этой профессиональной группы.

Данный подход можно рассматривать в контексте предложенной К. Аггестам и А. Таунс «новой программы гендерных исследований», направленной на расширение территориальных рамок гендерных исследований в сфере дипломатии за счет обращения к регионам, расположенным за пределами Западной Европы и США, на переход от отдельных тематических описательных работ к систематическим сравнениям, которые позволяют проследить изменение гендерной динамики во времени, и на использование результатов исследований в качестве теоретической основы для трансформации дипломатии [Aggestam, Towns 2019, pp. 23–24].

Просопографическая база данных как источник информации о женщинах-дипломатах

Базы данных, как упорядоченный массив информации из конкретной предметной области, систематизированной для эффективного поиска и выборок, занимают важное место в методологическом инструментарии исторической информатики. Так, М. Таллер называет анализ и классификацию извлеченной из разнообразных источников информации на основе технологии баз данных в качестве одной из ключевых областей применения компьютерных методов в гуманитарных науках [Таллер 2012, с. 8]. Л.Н. Мазур

рассматривает базы данных в качестве эффективного метода систематизации информации, позволяющего в том числе на уровне микроисторического исследования «отразить в совокупности структурно-функциональные и динамические особенности предмета и объекта исследования» [Мазур 2010, с. 48]. Применительно к исследованию социального портрета женщин-дипломатов требуется обращение к просопографическим базам данных, отражающим коллективную биографию определенной социальной, профессиональной или иной группы на основе индивидуальных сведений о ее представителях (социально-биографические данные, трудовая деятельность, культурно-образовательный уровень и т. д.)².

Разработанная авторами просопографическая база данных «Женщины-дипломаты в новых независимых государствах на пространстве бывшего СССР (1991–2022 гг.)» нацелена на реконструкцию социального портрета и коллективной биографии женщин, занимавших и занимающих высшие дипломатические должности во внешнеполитических ведомствах государств на постсоветском пространстве, с одной стороны, как гендерно однородной профессиональной группы и, с другой стороны, как гетерогенной социальной совокупности, различия внутри которой обусловлены особенностями формирования дипломатического корпуса на национально-государственном уровне. Анализ сведений, содержащихся в базе данных, позволит ответить на ряд исследовательских вопросов и выявить важные характеристики социального портрета:

- количество женщин на высших дипломатических должностях (в разрезе государств и во временной динамике);
- соотношение между кадровыми дипломатами и политическими назначенцами;
- территориально-географическое распределение женщин-послов по государствам аккредитации;
- временные характеристики карьерного роста;
- сведения об уровне образования и знании иностранных языков.

База данных реализована в СУБД Microsoft Access и имеет структуру, состоящую из центральной таблицы «Персоны», четырех основных таблиц («Образование», «Карьера», «Ученая степень», «Языки») и четырех вспомогательных таблиц-справоч-

---

² *Verboven K., Carlier M., Dumolyn J.* A short manual to the art of prosopography // *Prosopography approaches and applications. A handbook* / Ed. by K.S.V. Keats-Rohan. Oxford: Prosopographica et Genealogica, 2007. P. 39.

ников, содержащих систематизированную информацию (наименования стран мира и международных организаций, категории дипломатических должностей, группы специальностей по образованию и т. д.), необходимую для упрощения ввода и обработки сведений базы данных.

В таблице «Персоны» содержатся общие биографические сведения о 255 женщинах-дипломатах высокого ранга (ФИО, дата и место рождения, информация о семейном положении и пр.). В таблице «Образование» (435 записей) собрана информация о профессиональном образовании дипломатов, в том числе послевузовском образовании, стажировках и курсах повышения квалификации (наименование учебного заведения, период обучения, специальность и т. д.). В таблице «Карьера» (1955 записей) содержатся сведения о профессиональной деятельности персон как в момент их работы во внешнеполитическом ведомстве, так и в предшествующий/последующий период (занимаемая должность, организация/подразделение, период работы и пр.). В таблице «Ученая степень» (52 записи) содержится информация об ученой степени и годе ее получения. В таблице «Язык» (538 записей) объединены данные об иностранных языках, которыми владеют дипломаты (название языка и уровень владения).

Источниками биографических сведений для базы данных послужили открытые и общедоступные информационные ресурсы: официальные сайты внешнеполитических ведомств; правовые акты, распорядительные документы и пресс-релизы о назначении на должность и освобождении от должности; резюме и *curriculum vitae* дипломатов, размещенные на веб-страницах посольств и международных организаций; материалы в СМИ, в том числе интервью с дипломатами; списки дипломатического корпуса; ежегодники, издаваемые внешнеполитическими ведомствами; страницы дипломатов в Википедии и профессиональных социальных сетях и т. д.

Разнородность источников, ограниченность и противоречивость содержащихся в них сведений сказались на полноте сведений базы данных, которая существенно варьируется по странам (табл. 1).

Таблица 1

Оценка полноты сведений базы данных

Страна	Кол-во записей (персон) в БД	Из них имеются сведения								Среднее кол-во записей о трудовой деятельности на персону	Индекс полноты
		о возрасте		об образовании		о знании языков		чел.	%		
		чел.	%	чел.	%	чел.	%				
Азербайджан	6	6	100	4	67	2	33	4	0,59		
Армения	10	8	80	7	70	6	60	6	0,66		
Беларусь	8	6	75	6	75	3	38	6	0,59		
Грузия	24	23	96	23	96	17	71	8	0,83		
Казахстан	9	9	100	9	100	9	100	11	0,99		
Кыргызстан	19	19	100	16	84	16	84	9	0,86		
Латвия	32	20	63	27	84	24	75	10	0,76		
Литва	30	26	87	30	100	19	63	12	0,88		
Молдова	15	11	73	7	47	8	53	5	0,54		
Россия	7	7	100	7	100	4	57	7	0,79		
Туркменистан	2	1	50	2	100	1	50	8	0,67		
Узбекистан	4	4	100	3	75	0	0	3	0,50		
Украина	25	25	100	25	100	20	80	9	0,89		
Эстония	34	30	88	33	97	24	71	10	0,84		
	225	195	87	199	88	153	68	9	0,80		

Таблица 2

Количество женщин-послов по сведениям базы данных (БД) и статистическим данным Европейской экономической комиссии ООН (UNECE)³

Страна	1995 г.			2000 г.			2006 г.			2012 г.			2015 г.			2019 г.		
	UNECE		%	БД		%	UNECE		%	БД		%	UNECE		%	БД		%
	чел.	чел.		чел.	чел.		чел.	чел.		чел.	чел.		чел.	чел.		чел.	чел.	
Армения	-	-	-	1	1	2,8	2	2	5,0	3	3	7,5	7	-	-	-	-	-
Беларусь	1	-	-	2	4	8,7	4	3	6,3	3	4	7,0	1	-	-	-	-	-
Грузия	-	-	-	2	2	9,1	5	5	14,3	3	5	8,6	5	6	10,7	10	7	11,7
Казахстан	1	3	13,0	3	2	8,7	-	2	3,8	1	1	1,7	4	4	6,2	-	-	-
Латвия	4	7	24,1	5	11	28,2	9	15	28,8	13	16	28,1	12	19	32,2	19	19	32,2
Литва	2	3	7,5	5	3	6,5	7	7	16,3	11	12	20,7	13	15	27,3	15	16	27,1
Молдова	-	-	-	-	4	20,8	2	1	3,7	6	4	13,3	7	9	28,1	-	-	-
Украина	-	-	-	1	-	-	2	3	3,0	4	2	1,5	4	-	-	-	-	-
Эстония	2	2	11,8	4	3	11,1	12	10	23,8	9	11	26,8	9	9	20,9	20	16	40,0

* В графе % приведена справочная информация о доле женщин среди послов в министерстве иностранных дел страны.

³ *Источник:* Ambassadors by sex // UNECE Statistical Database. URL: https://w3.unece.org/PXWeb2015/prxweb/en/STAT/STAT_30-GE_05-PublicAnddecision/ZZZ_en_GEPDAmbassadors_r_px/table/tableViewLayout1/ (дата обращения 28 декабря 2022).

Репрезентативность базы данных также имеет важное значение для просопографического исследования, представляющего собой попытку преодолеть опасность порождения выводов на основе отдельных случаев и создания обобщений из нескольких красноречивых примеров. В табл. 2 приведены результаты оценки репрезентативности на основе сравнения сведений со статистическими данными о количестве женщин-послов по отдельным странам и временным периодам.

Случаи несоответствия сведений о количестве женщин-дипломатов на должности послов, содержащихся в БД и статистических данных UNECE, по нашему мнению, могут быть объяснены как ограниченностью и неполнотой источниковой базы БД по отдельным странам (особенно для первой половины изучаемого периода), так и качеством статистических данных.

Тем не менее приведенные результаты верификации содержания просопографической базы данных позволили сделать вывод о том, что БД обладает достаточной степенью полноты и репрезентативности для исследования социального портрета женщин-дипломатов постсоветских государств.

Анализ отдельных показателей социального портрета женщин-дипломатов

Сведения базы данных позволяют реконструировать или уточнить динамику численности женщин-дипломатов, полученное ими базовое образование, временные характеристики карьерного роста (например, возраст назначения на высшую дипломатическую должность), соотношение между карьерными дипломатами и политическими назначениями, территориально-географическое распределение по государствам аккредитации и т. д. В базе данных представлена информация о 225 женщинах на высших дипломатических должностях в министерствах иностранных дел новых независимых государств на территории бывшего СССР, из которых 214 чел. занимали должность посла, 3 и 2 чел. являлись соответственно министром и замминистра иностранных дел (не имея опыта работы на других высших дипломатических должностях), и для 6 чел. высшей точкой дипломатической карьеры стало руководство департаментом в центральном аппарате МИД. Некоторые характеристики социального портрета женщин-дипломатов по странам приведены в табл. 3.

Таблица 3

Характеристики социального портрета
женщин-дипломатов государств бывшего СССР
по материалам базы данных

Страна	Всего, чел.	Доля кадровых дипломатов, %*	Доля политических назначенцев, %**	Средний возраст назначения на высшую дипломатическую должность, лет**	Доля женщин-послов, назначенных в страны G20 и ООН, %***
Азербайджан	6	50	50	50,3	25
Армения	10	80	20	44,1	42
Беларусь	8	63	38	46,8	24
Грузия	24	33	67	45,0	35
Казахстан	9	56	44	47,4	36
Кыргызстан	19	45	55	46,4	51
Латвия	32	84	16	43,8	19
Литва	30	80	20	47,5	23
Молдова	15	53	47	42,9	48
Россия	7	50	50	49,7	8
Туркменистан	2	25	75	52,5	38
Узбекистан	4	63	38	37,7	0
Украина	25	72	28	46,3	14
Эстония	34	87	13	43,4	23
	226	67	33		

* При определении доли кадровых дипломатов и политических назначенцев допускатся соотношение 0,5/0,5.

** Рассчитан только для женщин-послов (214 чел.).

*** Рассчитана с учетом возможности совмещения должности посла в нескольких странах или международных организациях; учитывались отделения ООН в Нью-Йорке, Вене и Женеве.

Численность женщин-дипломатов на высших дипломатических должностях

Анализ сведений базы данных о количестве женщин – руководителей дипломатических миссий иллюстрирует три модели изменения динамики численности женщин-послов новых независимых государств на территории бывшего СССР в период 1991–2021 гг.: для стран из первой группы (Россия, Беларусь и государства Центральной Азии) характерно сохранение стабильных по времени и незначительных по численности показателей (рис. 1); в государствах Южного Кавказа (в первую очередь Грузии и Армении) наблюдается значительное увеличение числа женщин-послов с начала 2000-х гг. (рис. 2); для Украины, Молдовы и стран Балтии наиболее показателен непрерывно высокий прирост показателей численности (рис. 3), что объясняется различными начальными условиями для создания дипломатической службы и практиками ее развития.

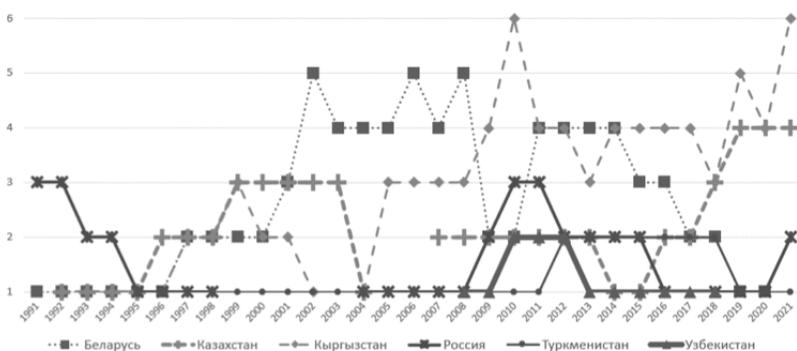

Рис. 1. Количество женщин-послов России, Беларуси и государств Центральной Азии в 1991–2021 гг. по материалам базы данных

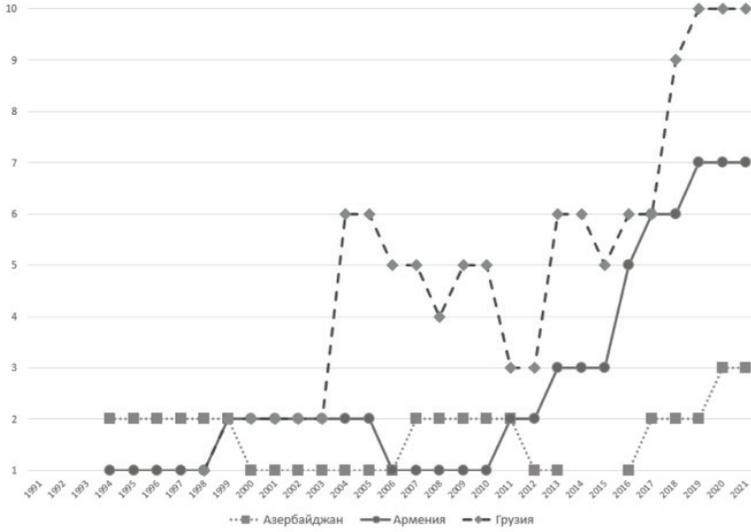

Рис. 2. Количество женщин-послов государств Южного Кавказа в 1991–2021 гг. по материалам базы данных

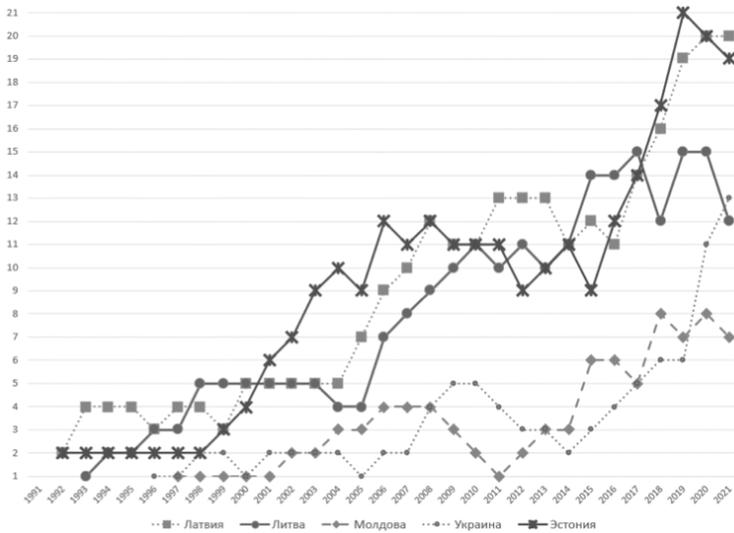

Рис. 3. Количество женщин-послов Украины, Молдовы и Балтийских государств в 1991–2021 гг. по материалам базы данных

Образование

Анализ 327 записей базы данных о высшем профессиональном образовании женщин-дипломатов (без учета курсов повышения квалификации и профессиональных стажировок) показывает, что образование в области международных отношений получили 29% дипломатов, филологическое – 22, юридическое – 13, экономическое – 12, естественно-научное – 6, в сфере государственного управления – 4, историческое – 4, психолого-педагогическое – 3, в области философии и общественных наук – 3, журналистики, коммуникации и PR – 2, в сфере искусства – 2%. Показатели образования на уровне конкретных государств во многом связаны с хронологическим периодом (последовательное увеличение количества дипломатов, имеющих диплом в сфере международных отношений) и соотношением между кадровыми дипломатами и политическими назначенцами.

Временные характеристики профессиональной карьеры

Анализ материалов базы данных показывает, что средний возраст назначения женщин-дипломатов на должность посла составляет 45,4 года, однако этот показатель существенно варьируется в зависимости от страны и хронологического периода. Например, в 1990-е гг. в МИД многих постсоветских государств существовала общая практика назначения на должность послов преимущественно молодых кандидатов (даже в возрасте 29–35 лет), что объяснялось дефицитом кадров с опытом дипломатической работы [Мосаки 216, с. 146]. В последующие периоды для некоторых государств (Эстония, Литва, Молдова, Латвия) характерно увеличение показателя среднего возраста назначения на должность посла и замедление карьеры женщины-дипломата (в сравнении с мужчинами). Так, в Эстонии в 1990-е гг. женщине-дипломату требовалось 7 лет работы на дипломатической службе перед назначением на должность посла, в то время как для мужчин среднее время составляло 4 года, в 2000-е гг. соотношение сохранялось (9–10 лет для женщин по сравнению со сроком 5–8 лет для мужчин) [Bleiere 2020, pp. 41–42].

Кадровые дипломаты и политические назначенцы

Применительно к дипломатической службе США исследователи отмечают, что если общее соотношение между послами – политическими назначенцами и карьерными дипломатами – на протяжении последних 60 лет остается практически неизменным и составляет пропорцию 30/70 [Scoville 2019, р. 89], то доля карьерных дипломатов среди женщин-послов (по сравнению с политическими назначенцами) постоянно увеличивается – с 35% в 1990 г. до 85% в 2018 г.⁴ Результаты анализа сведений базы данных подтверждают тенденцию к увеличению доли кадровых дипломатов среди женщин, назначенных главами дипломатических представительств руководством новых независимых государств, возникших на территории бывшего СССР (рис. 4), при этом соотношение кадровых дипломатов и политических назначенцев существенно различается на уровне конкретного государства (см. табл. 3).

Рис. 4. Соотношение женщин –
кадровых дипломатов и политических назначенцев –
на высших дипломатических должностях
в постсоветских государствах, чел.

⁴ Schiemichen L. Madam ambassador. A statistical comparison of female ambassadors across the U.S., German, and EU Foreign Services // EU Diplomacy Papers. 3/2019. College of Europe, Bruges, 2019. P. 22.

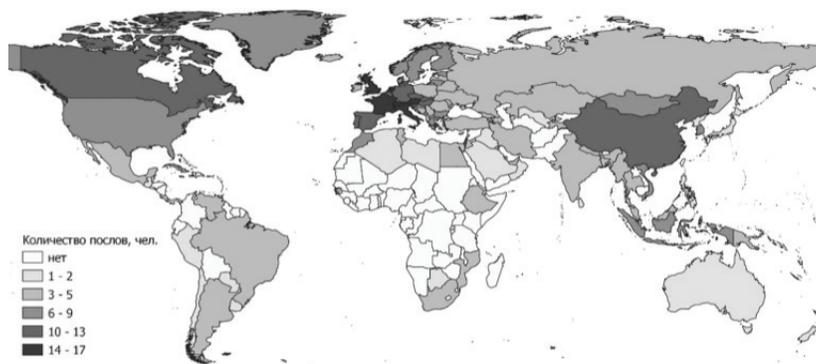
Однако в конкретных случаях зачастую сложно однозначно отнести конкретную персону к одной из указанных категорий. Так, например, в карьере Элеоноры Митрофановой до ее назначения первым заместителем министра иностранных дел (2003–2004 гг.) и послом Российской Федерации в Болгарии (с 2021 г.) прослеживаются черты, присущие как карьерному дипломату (базовое образование в МГИМО, владение несколькими иностранными языками, опыт работы в ЮНЕСКО), так и, в большей степени, политическому назначенцу (отсутствие опыта последовательного прохождения всех уровней дипломатических должностей, активная политическая деятельность в высших органах государственной власти, связи в руководстве ЛДПР). При анализе карьеры директора департамента информации и печати МИД России М.В. Захаровой некоторые исследователи отмечают, что «назвать ее кадровым дипломатом довольно сложно» [Воеводина 2021, с. 46].

По нашему мнению, для более точной оценки средствами просопографической БД соотношения между карьерными дипломатами и политическими назначенцами целесообразно не бинарное отнесение персоны к одной из указанных категорий, а использование соответствующих индексов «дипломатической карьеры» и «политического влияния», полученных на основе ряда метрик и изменяющихся в диапазоне от 0 до 1. По аналогии с индикаторами оценки профессиональности дипломата, представленными Р. Сквиллем (знание соответствующих иностранных языков, знание страны пребывания, опыт участия во внешней политике, управленческий опыт) [Scoville 2019, p. 104–139], в качестве дальнейшей перспективы исследования нами предложен ряд адаптированных к структуре и содержанию базы данных метрик для расчета индексов дипломатической карьеры и политического влияния:

<i>Метрики индекса дипломатической карьеры</i>	<i>Метрики индекса политического влияния</i>
1. Наличие базового образования в сфере международных отношений	1. Продолжительная политическая карьера
2. Последовательное прохождение с нижнего уровня всех ступеней дипломатической карьеры	2. Избрание в высший представительный орган или нахождение на руководящих должностях в правительстве страны до назначения в МИД
3. Соразмерное соотношение времени работы в дипломатических представительствах за рубежом с деятельностью в центральном аппарате МИД	3. Высокая частота упоминания в СМИ до назначения в МИД
4. Владение иностранными языками	

Территориально-географическое распределение послов по государствам аккредитации

Западная практика территориального распределения женщин-послов показывает, что они максимально представлены в небольших государствах Африки и Микронезии, республиках бывших СССР и Югославии, а также международных организациях (ЮНЕСКО, ОЭСР, ООН, ОЗХО), но практически не назначаются в стратегически важные государства G20⁵. В случае с женщинами-послами постсоветских государств наблюдается во многом противоположная картина (рис. 5) – в 1991–2021 гг. они были назначены в 106 государств (включая государствоподобное образование – Мальтийский орден и Косово, независимость которого не признали большинство стран мира) и 19 международных организаций, при этом максимально были представлены в государствах Европейского союза, США, Канаде и Китае.

Рис. 5. Распределение женщин-послов государств бывшего СССР по странам мира в 1991–2021 гг. (с учетом совмещения должности посла в нескольких странах)

Заключение

Просопографическая база данных может стать эффективным инструментом исследования социального портрета и коллективной биографии женщины-дипломатов, как гендерно однородной

⁵ Ibid. P. 13–18.

профессиональной группы, так и национально разнородной социальной совокупности.

Женщины на высших дипломатических должностях, представляющие независимые государства, образовавшиеся после распада СССР, с точки зрения основных социально-биографических характеристик во многом схожи со своими западными коллегами – представляют собой элитную социально-профессиональную группу, состоящую преимущественно из уроженок крупных городов (часто – столиц), получивших, как правило, углубленное школьное образование в области иностранных языков, высшее образование в сфере международных отношений (либо в связанных сферах международной экономики или права) в отечественном вузе с последующим обучением или стажировкой в иностранном университете; зачастую являются кадровыми дипломатами, последовательно прошедшими все уровни карьеры в центральном аппарате МИД и зарубежных учреждениях.

Национально-государственная специфика социального портрета женщин на высших дипломатических должностях может быть отражена посредством трех моделей: 1) государство с неизменным во времени и незначительным числом женщин-дипломатов, среди которых велика доля политических назначенцев, направляемых послами во второстепенные для национальных интересов страны государства и международные организации (типично для России); 2) государство, в котором количество женщин-дипломатов имеет тенденцию увеличиваться со временем, однако в определенные периоды может снижаться под влиянием результатов выборов, соотношение между кадровыми дипломатами и политическими назначенцами сохраняется на примерно равном уровне, высока доля женщин-послов в стратегически важных странах и международных организациях (характерный образец – Грузия); 3) страна, где доля женщин-дипломатов значительна и стабильно увеличивается со временем, большинство из них являются кадровыми дипломатами, владеют тремя и более иностранными языками и в своей деятельности ориентируются на западный образовательный бэкграунд и дипломатическую практику (показательны Эстония, Латвия, Литва). Остальные независимые государства, образовавшиеся после распада СССР, могут быть отнесены с существенными оговорками к одной из упомянутых моделей либо образуют переходные типы, демонстрируя часть характерных черт нескольких моделей.

Литература

- Воевода, Морозов, Карпов 2018 – *Воевода Е.В., Морозов В.М., Карпов В.В.* Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 24–35. DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.3.
- Воеводина 2021 – *Воеводина Л.Н.* Гендерный дисбаланс на дипломатической службе Российской Федерации: Карьерный лабиринт к дипломатическому рангу чрезвычайного и полномочного посла // *Наука, общество, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты*. Пенза, 2021. С. 41–73.
- Зонова 2009 – *Зонова Т.В.* Гендерный фактор в политике и дипломатии // *Международные процессы*. 2009. Т. 7. № 20. С. 94–100.
- Мазур 2010 – *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования: Учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.
- Мосаки 2016 – *Мосаки Н.* Особенности дипломатической элиты Грузии // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 2. С. 141–162. DOI: 10.17994/IT.2016.14.2.45/11.
- Таллер 2012 – *Таллер М.* Дискуссии вокруг Digital Humanities // *Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании*. 2012. № 1. С. 5–13.
- Захарова, Марценюк 2015 – *Захарова О., Марценюк Т.* Гендерні особливості дипломатичної служби в Україні та у світі. Київ: МЦПД, 2015. 52 с.
- Aggestam, Towns 2019 – *Aggestam K., Towns A.* The gender turn in diplomacy. A new research agenda // *International Feminist Journal of Politics*. 2019. Vol. 21. Iss. 1. P. 9–28. DOI: 10.1080/14616742.2018.1483206.
- Bleiere 2020 – *Bleiere D.* Sievietes atjaunotās Latvijas ārējā un drošības politikā 1990. gados: ārlietu dienests // *Sievietes Latvijas ārpolitikā un drošības politikā / red. A. Sprūds, E. Vizgunova*. Rīga: Latvijas Ārpolitikas institūts, 2020. Lpp. 27–60.
- Scoville 2019 – *Scoville R.* Unqualified ambassadors // *Duke Law Journal*. Vol. 69. No. 1. P. 71–196.

References

- Aggestam, K. and Towns, A. (2019), “The gender turn in diplomacy. A new research agenda”, *International Feminist Journal of Politics*, vol. 21, iss. 1, pp. 9–28.
- Bleiere, D. (2020), “Sievietes atjaunotās Latvijas ārējā un drošības politikā 1990. gados: ārlietu dienests” [Women in the foreign and security policy of a renewed Latvia in the 1990s. Foreign service], in Spruds, A. and Vizgunova, E. (ed.), *Sievietes Latvijas ārpolitikā un drošības politikā* [Women in Latvian politics and security policy], Rīga, Latvia, pp. 27–60.
- Mazur, L.N. (2010), *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research], Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

- Mosaki, N. (2016), "Specifics of Georgia's diplomatic elite", *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*, vol. 14, no. 2, pp. 141–162.
- Scoville, R. (2019), "Unqualified ambassadors", *Duke Law Journal*, vol. 69, no. 1, pp. 71–196.
- Thaller, M. (2012), "Discussions around Digital Humanities", *Istoricheskaya informatika. Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii*, no. 1, pp. 5–13.
- Voevoda, E.V., Morozov, V.M. and Karpov, V.V. (2018), "Women diplomats in Russia. On the issue of gender imbalance", *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 24–35.
- Voevodina, L.N. (2021), "Gender imbalance in the diplomatic service of the Russian Federation. Career labyrinth to the diplomatic rank of ambassador extraordinary and plenipotentiary", in *Nauka, obshchestvo, innovatsii: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty* [Science, society, innovation. Current issues and modern aspects], Penza, Russia, pp. 41–73.
- Zaharova, O. and Martsenyuk, T. (2015), *Genderni osoblivosti diplomatichnoi sluzhbi v Ukraini ta u sviti* [Gender features of the diplomatic service in Ukraine and in the world], Mizhnarodnii tsentr perspektivnikh doslidzhen', Kyiv, Ukraine.
- Zonova, T.V. (2009), "Gender factor in politics and diplomacy", *International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)*, vol. 7, no. 20, pp. 94–100.

Информация об авторах

Ольга С. Поршнева, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; o.s.porshneva@urfu.ru

Сергей Л. Разинков, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; s.l.razinkov@urfu.ru

Information about the authors

Olga S. Porshneva, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Av., 620002, Ekaterinburg, Russia; o.s.porshneva@urfu.ru

Sergei L. Razinkov, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; bld. 19, Mira Av., 620002, Ekaterinburg, Russia; s.l.razinkov@urfu.ru